

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 5 / 2025, Vol. 4, Iss. 5 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.161.1

Речевые стратегии конфликта и согласия: роль экспрессивного синтаксиса в диалогах современной прозы

¹ Ши Линь,

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: в статье исследуются экспрессивные синтаксические конструкции (ЭСК) как средства реализации речевых стратегий согласия и конфликта в диалогах современной русской прозы. Цель работы – определить функциональные и прагматические особенности ЭСК при выражении коммуникативных интенций персонажей. На материале романов Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», А. Иванова «Ненастье», Е. Чижовой «Время женщин» и Е. Водолазкина «Чагин» проводится анализ таких конструкций, как парцелляция, повтор, риторические вопросы и восклицания, эллипсис, умолчание, инверсия и коммуникемы.

Задачами исследования являются выявление типовых моделей взаимодействия ЭСК с речевыми стратегиями, определение их когнитивно-прагматического потенциала и установление корреляции между структурой высказывания и его интенциональным содержанием. Применяются методы контекстуального и интерпретационного анализа, лингвистической классификации и количественного учёта.

Полученные результаты уточняют механизмы синтаксического выражения эмоциональных и волевых состояний, раскрывают особенности авторского идиостиля и закономерности речевого поведения персонажей. Практическая значимость работы заключается в возможности использования её выводов при преподавании курсов по прагматике, когнитивной лингвистике и анализу художественного дискурса.

Ключевые слова: экспрессивный синтаксис, речевые стратегии, конфликт, согласие, диалог, современная проза, интенция, прагматика

Для цитирования: Ши Линь Речевые стратегии конфликта и согласия: роль экспрессивного синтаксиса в диалогах современной прозы // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 5. С. 121 – 126.

Поступила в редакцию: 21 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 27 октября 2025 г.

Speech strategies of conflict and agreement: the role of expressive syntax in dialogues of modern prose

¹ Shi Lin,

¹ St. Petersburg State University

Abstract: this article examines expressive syntactic constructions (ESCs) as means of implementing speech strategies of agreement and conflict in dialogues in contemporary Russian prose. The aim of the study is to identify the functional and pragmatic characteristics of ESCs when expressing characters' communicative intentions. Using the novels "Zuleikha Opens Her Eyes" by G. Yakhina, "Bad Weather" by A. Ivanov, "Time of Women" by E. Chizhova, and "Chagin" by E. Vodolazkin, the author analyzes such constructions as parcellation, repetition, rhetorical questions and exclamations, ellipsis, omission, inversion, and communiquemes.

The objectives of the study are to identify typical models of interaction between ESCs and speech strategies, determine their cognitive-pragmatic potential, and establish a correlation between the structure of an utterance and its intentional content. Methods of contextual and interpretive analysis, linguistic classification, and quantitative analysis are used.

The obtained results clarify the mechanisms of syntactic expression of emotional and volitional states, reveal the characteristics of the author's idiosyncrasy, and patterns of characters' speech behavior. The practical significance of this work lies in the potential use of its findings in teaching courses on pragmatics, cognitive linguistics, and literary discourse analysis.

Keywords: expressive syntax, speech strategies, conflict, agreement, dialogue, modern prose, intention, pragmatics

For citation: Shi Lin Speech strategies of conflict and agreement: the role of expressive syntax in dialogues of modern prose. Philological Bulletin. 2025. 4 (5). P. 121 – 126.

The article was submitted: July 21, 2025; Approved after reviewing: September 19, 2025; Accepted for publication: October 27, 2025.

Введение

Современная лингвистика всё активнее изучает функционирование языка в условиях реальной коммуникации, где синтаксические структуры рассматриваются как репрезентанты когнитивных процессов и коммуникативных интенций [1, 16]. Художественный диалог представляет собой сложную модель естественного речевого взаимодействия, в котором сталкиваются разнонаправленные стратегии персонажей. Экспрессивный синтаксис, отклоняясь от нейтральной нормы, усиливает эмоциональное воздействие и маркирует намерения говорящих [3, 7, 9].

Научная новизна исследования заключается в системном сопоставлении синтаксических средств с типами речевых стратегий – кооперативных и конфликтных – на материале современной прозы. Такой подход обеспечивает выявление устойчивых корреляций между структурой высказывания и его интенциональным содержанием, что расширяет возможности лингвопоэтического анализа.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу составили диалоги из четырёх произведений современной русской прозы: «Зулайха открывает глаза» Г. Яхиной (2015), «Ненастье» А. Иванова (2015), «Время женщин» Е. Чижовой (2018) и «Чагин» Е. Водолазкина (2022). Всего проанализировано 312 диалогических фрагментов, содержащих 486 реализаций речевых актов согласия и несогласия.

Исследование проводилось в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы с привлечением теории речевых актов. Использованы методы контекстуального и интерпретационного анализа, описательный метод, лингвистическая классификация экспрессивных конструкций, а также элементы количественного учёта для определения их распределения по типам речевых стратегий.

Критерием классификации послужили функции конструкций в выражении кооперативных (согласительных) и конфликтных (несогласительных) стратегий. Это позволило выявить типовые модели эмоционально-прагматического варьирования и их связь с авторским идиостилем.

Результаты и обсуждения

Экспрессивный синтаксис понимается как система средств, усиливающих эмоционально-оценочную окраску речи и её прагматический потенциал [14, с 4]. К числу ЭСК относятся парцеляция, повтор, риторические вопросы и восклицания, эллипсис, умолчание, инверсия и коммуникемы.

Речевые акты согласия и несогласия интерпретируются нами как реагирующие речевые акты (РА), представляющие собой вербальную реакцию – положительную или отрицательную – на предшествующее высказывание коммуникативного партнёра [1, 15]. Важно подчеркнуть, что в условиях естественной коммуникации данные РА крайне редко существуют в «чистом», элементарном виде (исчерпываясь простыми репликами «Да»/«Нет»). Напротив, они, как правило, оказываются сопряжёнными с целым спектром дополнительных смысловых оттенков (одобрения, возмущения, сомнения, иронии, уступчивости и пр.) и зачастую маскируются под разнообразные, порой достаточно сложные языковые средства [1, 8, 11]. Их возникновение и конкретное языковое воплощение жёстко предопределются коммуникативным содержанием инициального высказывания-стимула, а само их языковое оформление отличается значительным структурным и семантическим разнообразием [4, 6, 8].

1. Согласие и его синтаксические формы

Кооперативные стратегии, нацеленные на поддержание непрерывности коммуникации и установление взаимопонимания между участниками диалога, часто реализуются именно через ЭСК, которые придают акту согласия различные эмоциональные и сугубо прагматические оттенки, выводя его за рамки простого подтверждения.

Повтор наиболее продуктивен при выражении согласия. Он усиливает подтверждение и создаёт эффект речевой солидарности: «– Мне он ничего не докладывал, хотя вы обещали мне его содействие. – Мне он тоже не докладывал!» [5, с. 102].

Повтор ключевого отрезка реплики собеседника с добавлением усиительной частицы «тоже»

недвусмысленно выражает полное согласие и демонстративное присоединение к его позиции, укрепляя коммуникативный альянс.

Другой показательный пример: «— Для всех, что ли? — удивляется. — Да, — кивает, — для всех» [13, с. 83]. Здесь повтор фразы «для всех» выполняет не только функцию подтверждения, но и смыслового разъяснения, снимая возможные сомнения собеседника.

Коммуникемы позволяют передать согласие предельно лаконично, но при этом с высокой степенью эмоциональной насыщенности [13], выражая широчайший спектр оттенков — от искреннего одобрения до тонкой иронии:

1) «*Сто пудов*» [13, с. 147] — передаёт абсолютную, не подлежащую сомнению уверенность;

2) «*Само собой!*» [5, с. 106] — выражает согласие как нечто самоочевидное, не требующее дополнительных обоснований;

3) «*Ну как же!*» [2, с. 66] — эмоциональное согласие с лёгким удивлением.

Эллипсис используется преимущественно для энергичного, спонтанного выражения согласия, часто с выраженным оттенком желания, готовности или немедленного действия:

1) «— Хотел ли Исидор остаться? Хотел ли?.. — Очень! — выдохнул Чагин» [2, с. 19]. Намеренное опущение глагольной части («хотел остаться») делает согласие не только более эмоциональным и непосредственным, но и подчёркивает его искренность, идущую из глубины переживаний.

2) «— Да я хоть щас!» [5, с. 26] — эллипсис здесь передаёт не просто согласие, а немедленную готовность действовать, импульсивную решимость.

Умолчание, графически оформленное многоочищением, часто сигнализирует о неохотном, уклончивом или вынужденно-компромиссном согласии:

1) «— Колоть-то, — Гликерия морчится, — опий? — Ну... В общем, наркотик» [13, с. 201]. Многоточие зримо передаёт внутреннее колебание, поиск подходящей формулировки и в конечном счёте — согласие-полупризнание, лишённое энтузиазма.

2) «— Мне хотелось бы новых деталей — ярких, живых. Вы меня понимаете?

— Понимаю, сэр. Вы просите деталей...» [2, с. 96]. Умолчание здесь маркирует не столько несогласие, сколько процесс осмыслиения и условное принятие задачи.

Риторические вопросы могут служить не только для конфликта, но и для выражения усиленного, убеждённого согласия, когда говорящий не просто соглашается, но и подчёркивает неизбежность или очевидность соглашаемой позиции:

«— Сюзанночек? Ей то, — говорю, — зачем? Неужто с детства к венику прилаживать?

— А с какого же еще? Вырастет — поздно будет. Меня вон с каких в белошвейки готовили...» [13, с. 58]. Риторический вопрос «*А с какого же еще?*» с частицей же превращает согласие в дидактическое утверждение.

Инверсия используется для акцентированного выражения уступчивого согласия, когда согласие даётся не просто, а вопреки чему-либо: «— По инструкции мне нельзя покидать кабину. Но ради тебя я могу» [5, с. 7].

Вынесение мотивационной конструкции «ради тебя» в начало второй части высказывания синтаксически подчёркивает значимость уступки, усиливая эмоциональную окраску и демонстрируя, что согласие мотивировано личными отношениями, а не формальными правилами.

Таким образом, согласие в художественном диалоге нередко приобретает экспрессивный и многослойный характер, а ЭСК служат средством эмоционального и прагматического варьирования согласительных актов.

2. Конфликтные стратегии и экспрессивный синтаксис

Конфликтная коммуникация направлена на отрицание, возражение, протест. ЭСК придают высказыванию категоричность и эмоциональную насыщенность.

Риторические восклицания передают аффективное несогласие, гнев или протест:

1) «*Инвентарь не херня!*» [5, с. 22] — категорическое эмоционально-оценочное несогласие, представляющее собой резкое, почти агрессивное отвержение попытки собеседника обесценить значимость предмета обсуждения.

2) «*Муртаза умер. Имею право второй раз замуж выйти!*» [14, с. 351] — восклицание здесь маркирует не просто несогласие, а решительный протест против патриархальных установок, утверждение своей воли и права на выбор.

3) «*Нет! Ни в коем случае!*» [5, с. 260] — императивное несогласие, функционирующее как категорический запрет, не предполагающий возможностей обсуждения.

4) «*Всё подстава!*» [5, с. 161] — восклицание передаёт несогласие-дискредитацию, эмоционально окрашенное обесценивание обвинений.

Риторические вопросы — одно из главных средств выражения несогласия и иронии:

1) «— С каких пор, Витя, Щебетовский мне стал своим?» [5, с. 8] — вопрос передаёт полное, пренебрежительное несогласие, демонстрируя воспринимаемую говорящим абсурдность утверждения.

ждения, его несоответствие реальному положению вещей.

2) «— Чего ей в школе-то? И так, небось, грамотная» [13, с. 57] – вопрос выражает несогласие с необходимостью дальнейшего обучения, обосновывая свою позицию через апелляцию к здравому смыслу и сложившейся практике.

3) «Если бы я хотел ограбить вас, зачем мне нужен Неволин? И почему я раньше не ограбил?» [5, с. 12] – серия риторических вопросов служит здесь для сложной аргументации и доказательства своей невиновности, представляя собой развернутое несогласие-опровержение.

Коммуникемы в конфликтных стратегиях коротки, но максимально экспрессивны:

1) «— Шши тебе, – зло щерится на него Игнатьев. – И тебе – шши (это Кузнец)» [14, с. 208] – коммуникема «шиши» в сочетании с повтором и зооморфной метафорой («щерится») выражает яростный, презрительный отказ, маркируя эмоционально-защитное несогласие.

2) «— Да пош-шёл ты!» – классический пример аффективного, конфликтного несогласия, ведущего к немедленному коммуникативному разрыву, вербальному прекращению взаимодействия.

3) «— Ерунда» – выражает категорическое, оценочное несогласие, totally отрицающее всю позицию собеседника без какого-либо анализа или аргументации, что подчёркивает его абсолютный характер.

«— Да нет же!» – усиленный вариант отрицания, используемый для эмоционального опровержения в ситуации спора.

Инверсия усиливает ключевой элемент несогласия, придавая высказыванию экспрессию:

1) «— Дома-то у тебя как? Хреново ей было? Нормально ей дома! – дребезжанием голосом огрызнулся Яр-Саныч» [5, с. 41]. Инверсия («Нормально ей дома» вместо нейтрального «Ей нормально дома») выносит отрицание в абсолют, категорически и безапелляционно отвергая предположение собеседника. Эта конструкция служит и механизмом эмоциональной саморегуляции – защищая через демонстрацию гнева.

2) «— Тюрьму я не переживу» [2, с. 60]. Инверсия акцентирует объект страха и неприятия («Тюрьму»), передавая отчаянное, волевое несогласие с предполагаемым будущим.

3) «— Напротив, духом я вознёсся» [2, с. 25] – инверсия здесь усиливает ироническое несогласие

и создаёт эффект смыслового противопоставления с ожиданиями собеседника.

4) «— Не этого я хотел, Зулайха» [14, с. 497] – инверсия выделяет объект разочарования, передавая эмоционально окрашенное несогласие с результатом действий другого персонажа.

Парцелляция и умолчание создают эффект сбивчивости, когнитивного шока или растерянности:

1) «— В нашей... В советской стране?» [2, с. 25]. Парцелляция и последующее умолчание передают не просто шок, но и глубинное внутреннее сопротивление самой идее, её моральную неприемлемость для говорящего.

2) «— Что? Как? Это нам? Уже приехали? Не может быть...» [Яхина, с. 203]. Серия коротких, парцеллированных риторических вопросов, завершающаяся умолчанием, выражает неполное несогласие, основанное на крайней степени недоверия и когнитивной растерянности.

3) «— Кружок, – уточнил Исидор. – Шлимановский кружок» [2, с. 39]. Парцелляция в сочетании с повтором служит здесь для неполного несогласия-уточнения, тактичного, но настойчивого акцентирования терминологической ошибки собеседника.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что экспрессивные синтаксические конструкции играют существенную роль в формировании речевых стратегий согласия и конфликта в современной русской прозе. Каждое средство проявляет собственные функциональные возможности и pragmatische направленность.

Повторы и коммуникемы чаще всего используются для выражения эмоционального согласия или категорического отказа; риторические вопросы и восклицания придают высказыванию убедительность и усиливают его эмоциональный тон; эллипсис, умолчание и парцелляция передают скрытое отношение говорящего, создавая эффект недосказанности; инверсия помогает выделить ключевые элементы высказывания и подчеркнуть его субъективность.

Таким образом, экспрессивный синтаксис выполняет не только стилистическую, но и когнитивно-прагматическую функцию: он способствует раскрытию внутреннего состояния персонажей, их интенций и особенностей речевого поведения, а также отражает динамику диалогического взаимодействия.

Список источников

1. Архипова Е. В., Клименко А. П. Речевой акт согласия/несогласия и средства его выражения в английском языке // Веснік МДПУ ім Я. П. Шамякіна. 2009. № 1 (22). С. 77 – 81.
2. Водолазкин Е.Г. Чагин. М.: АСТ, 2022. 159 с.
3. Воробьёва Е.Н. Экспрессивный синтаксис в отечественном языкоизнании: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 4. С. 989 – 996.
4. Воробьева О.В., Граббе Н.Ю. Средства выражения несогласия и его семантико-синтаксическая значимость // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 116. С. 218 – 227.
5. Иванов А.В. Ненастье. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 272 с.
6. Кострова О.А. Актуальные тенденции в методологии лингвистических исследований // Преподаватель XXI век. 2023. № 2-2. С. 300 – 313.
7. Норман Б.Ю. Согласие и несогласие в свете теории речевых актов // Коммуникативные исследования. 2020. № 2. С. 300 – 315.
8. Павлюковская Н.С. Коммуникативная ситуация несогласия: общие понятия // Вестник ИрГТУ. 2014. № 2 (85). С. 293 – 297.
9. Синельникова Л.Н. Лингвистика художественного текста: парцеляция как конструкция экспрессивного синтаксиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 657 – 669.
10. Сквородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка (опыт системного исследования) : монография / ред. Л. И. Скворцов. Томск: Томский университет [ТГУ], 1981. 255 с.
11. Стескова Т.И. Речевые жанры негативной реакции // Жанры речи. 2023. Т. 18. № 3 (39). С. 219 – 228.
12. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Рус. яз., 2002. 216 с.
13. Чижова Е.С. Время женщин: роман. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2018. 320 с.
14. Яхина Г.Ш. Зулейха открывает глаза: роман. М.: АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. 508 с.
15. House J., Kádár D.Z. Speech acts and interaction in second language pragmatics: A position paper // Language Teaching. 2025. Vol. 58. No. 3. P. 396 – 407.
16. Schmid H.J. Usage-Based Models Around and Inside BLC Theory // Languages. 2025. Vol. 10. N. 3.

References

1. Arkhipova E.V., Klimenko A.P. Speech act of agreement/disagreement and means of its expression in the English language. Vesnik MDPU imya I. P. Shamyakina. 2009. No. 1 (22). P. 77 – 81.
2. Vodolazkin E.G. Chagin. Moscow: AST, 2022. 159 p.
3. Vorobyova E.N. Expressive syntax in domestic linguistics: a systematic review. Philological sciences. Theoretical and practical issues. 2022. Vol. 15. No. 4. P. 989 – 996.
4. Vorobyova O.V., Grabbe N.Yu. Means of expressing disagreement and its semantic-syntactic significance. Scientific journal of KubSAU. 2016. No. 116. P. 218 – 227.
5. Ivanov A.V. Bad weather. M.: AST: Editorial office of Elena Shubina, 2015. 272 p.
6. Kostrova O.A. Current Trends in the Methodology of Linguistic Research. Teacher XXI Century. 2023. No. 2-2. Pp. 300-313.
7. Norman B.Yu. Agreement and Disagreement in Light of Speech Act Theory. Communicative Studies. 2020. No. 2. P. 300 – 315.
8. Pavlyukovskaya N.S. Communicative Situation of Disagreement: General Concepts. Bulletin of IrSTU. 2014. No. 2 (85). P. 293 – 297.
9. Sinelnikova L.N. Linguistics of the Fiction Text: Parcellation as a Construction of Expressive Syntax. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 657 – 669.
10. Skvorodnikov A.P. Expressive Syntactic Constructions of the Modern Russian Literary Language (An Attempt of a Systematic Study): Monograph. Ed. L.I. Skvortsov. Tomsk: Tomsk University [TSU], 1981. 255 p.
11. Steskova T.I. Speech Genres of Negative Reaction. Speech Genres. 2023. Vol. 18. No. 3 (39). P. 219 – 228.
12. Formanovskaya N.I. Speech Communication: A Communicative-Pragmatic Approach. Moscow: Rus. lang., 2002. 216 p.
13. Chizhova E.S. Women's Time: A Novel. St. Petersburg: Azbuka: Azbuka-Attikus, 2018. 320 p.

14. Yakhina G.Sh. *Zuleikha Opens Her Eyes: A Novel*. Moscow: AST: Elena Shubina Publishing House, 2015. 508 p.
15. House J., Kádár D.Z. *Speech Acts and Interaction in Second Language Pragmatics: A Position Paper*. *Language Teaching*. 2025. Vol. 58. No. 3. P. 396 – 407.
16. Schmid H.J. *Usage-Based Models Around and Inside BLC Theory*. *Languages*. 2025. Vol. 10. N. 3.

Информация об авторе

Ши Линь, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

© Ши Линь, 2025